

Кин. правда. - 1990. - 26 авг.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ЭТО НЕКОММЕРЧЕСКОЕ КИНО...

Фильмам режиссера Сергея Овчарова выпала грустная участь быть широко известными лишь в узком кругу профессионалов и завсегдатаев кино клубов

Хотя многие зарубежные критики утверждают: работы тридцатипятилетнего режиссера вполне могли бы составить конкуренцию фаворитам самых престижных кинофорумов, но такая возможность была предоставлена Сергею лишь однажды: его студенческая работа — короткометражка «Нескладуха» завоевала «Гран-при» на конкурсе имени Жанглюа в Париже.

«Что бы ни происходило в нашей стране — застой, перестройка, — у всей нашей творческой группы было ощущение, что мы идем против каких-то общих течений», — признается сам Овчаров. Впрочем, это и неудивительно. Художник, берущийся сегодня исследовать проблемы национального характера, истории, рискует стать мишенью для критики, а порой и откровенной брани со стороны различных политических группировок. И вдвойне трудно тому, кто пытается взглянуть на этот «разгул страстей» со стороны и сохранить в нем личный, непредвзятый взгляд на вещи...

— Сегодня к нам возвращаются произведения выдающихся русских исследователей-историков Ключевского, Карамзина, Соловьева. Желание могут куда лучше представить себе историю российской государственности, экономики, царствований. Но все-таки эти книги относятся в большей степени к «внешней» истории, да простят нам такое определение специалисты. Что же касается наших представлений об истории «внутренней», скажем, истории развития национального характера, то здесь по-прежнему наблюдается очевидный дефицит. Его-то отчасти и может восполнить ваш фильм «Оно». Чуткому зрителю он способен дать обильную пищу для размышлений.

— «История одного города» — моя настольная книга. Экранизировать ее я мечтал, скажем высоким штилем, долгие годы. Одиннадцать лет тому назад, поступая на Высшие режиссерские курсы к Глебу Панфилову, я предложил экзаменационной комиссии сценарий, основанный на финальной новелле «Угрюм-Бурчеев». С тех пор я не терял желания сделать этот фильм. Но вот только два с половиной года назад удалось-таки приступить к работе.

Я стал усиленно интересоваться смеховой культурой после того, как начал понимать страшную вещь: наш народ постепенно превращается в население. Деревня переходит

в поселок, который еще не превратился в город, но уже перестал быть деревней. Разрушена, если не до основания, то весьма значительно, замечательная крестьянская культура. Я здесь имею в виду прежде всего не земледелие, даже не традиционный уклад жизни, а своеобразное внутреннее творчество, которое было присуще каждому крестьянину. Праздники, всевозможные озорства, «хулиганства», сопряженные с традицией языческих ритуалов, требовали коллехтивного творчества. Сейчас этого уже нет. Наоборот, все чаще в ход идут утверждения: сначала нужно сносно накормить, одеть народ, потом — думать о его душе. Считаю этот стойкий, привитый нам еще со школы штамп крайне сомнительным. Необходимо дать личности обрести достоинство, самоуважение — это основа всего. Передавать, наконец, землю тем, кто на ней может работать, не на словах, а на деле утвердить формы народного самоуправления. Тогда и прилавки наполнятся, и художественные основы человеческого общения будут восстановлены.

— В свое время в нашей стране очень четко было произведено разделение «народ» — «враги народа», «народ» — «не народ», то есть неполноценный народ, так, какая-то прослойка. И сейчас кое-кто, призывая к сплоченности нации, к отпору экстремистам, одновременно с этим вытаскивает из пыльных сундуков побитые моллю штандарты классовой борьбы, недвусмысленно указывая «подозрительной» интеллигенции на ее место аутсайдера в общественных процессах...

— Салтыков-Щедрин говорил, что есть народ, а есть историческая чернь. Под последней он понимал тех, кто готов по мановению руки очередного «вождя» двигаться в любую сторону, выкрывая при этом соответствующие здравцы или проклятия. Я тоже думаю, что есть народ, а есть население, и его процент, увы, ныне весьма велик. Сейчас все настолько перемешалось, все понятия настолько сместились, что разделить людей по внутреннему, что ли, признаку крайне трудно. В деревнях я встречал удивительно интеллигентных людей, и в то же время среди так называемой творческой интеллигенции сколько угодно тех, кого Салтыков-Щедрин назвал бы «исторической чернью».

Не так давно я был на родине этого великого писателя в дни юбилейных праздников. Их организаторы рассказали

мне, что многие литераторы, получив приглашение участвовать в торжествах, сразу же интересовались размерами гонорара. А узнав, что он скорее символический, отказывались от поездок.

— А как вы прокомментируете такие, к примеру, заявления — нам их не раз приходилось слышать. Первое: Сергей Овчаров, если не принадлежит к активистам общества «Память», то, конечно же, горячо сочувствует ему. Второе: Овчаров, автор картины «Левша» и «Оно», переводит народную трагедию в фарс, глумится над святынями, а посему он самый что ни на есть русофоб.

— Подобный «разброс» в оценках моей скромной персоны меня не удивляет. Уже «Небыльщина» вызвала подобные споры. В этой картине я пытался показать приторность и лживость глянцевого этнографического картинка, сусального, псевдонародного «искусства», которым нас долгое время потчевали. Так хотелось чего-то острого, перченого... И мы просто-напросто обратились к русским народным анекдотам — о нерадивых пошехонцах, которые все делают «вверх ногами». В конце XVIII века эти анекдоты печатались в книге, имевшей подзаголовок: «Для детей и их нянь». Иные же высокобольшие интеллектуалы — не невежественные чиновники! — отнеслись к экранной версии этих историй, рожденных народом, чуть ли не как к диверсии. Можно подумать, что они не читали сказок Афанасьева, не слышали настоящих, неконцертных чистушек. Забавно и страшно одновременно: кто-то считает себя вправе поучать народ: надо вот так-то, а не эдак. Все было, как было, — эта элементарная истина оказывается вдруг тайной за семью печатями.

Если же говорить о какой-то «самоклассификации», то я приписываю себя к партии собственного рассудка. Трудно обнаружить зерно истины среди такого количества правд, которые сегодня существуют.

— Но не шокирует ли вас уровень аргументации в иных подобных «дискуссиях»? Допускаются и площадная брань, и явные наскоки, и апелляции к «городовому», а вот уважение, даже внешнее, не в почете.

— Мне кажется, война с перьями в руках все же гораздо лучше войны с обрезом. Что же касается иных полемических «приемов», то это мы, как говорится, уже проходили.

К примеру, Лесков как-то заступился за одну писательницу, которую некий критик в своей рецензии-фельетоне просто оскорбил, назвав публичной женщиной. Так вот, Лесков возмутился и разразился большой статьей, был преисполнен самых благородных рыцарских помыслов. И что же? Критик дал повторный залп. Уже обращаясь к Лескову, он написал: и все-таки она публичная женщина, к тому же вы — ее сутенер. Кстати, именно Лесков всю свою творческую жизнь подвергался резким, жестоким нападениям как слева, так и справа, по нашей сегодняшней терминологии. Революционные демократы не могли простить ему двух антиинициалистических романов, в которых он стремился проанализировать нарастающие разрушительные тенденции в русском обществе. Консерваторы же видели в нем человека, «подрывающего устои».

В этой войне против Лескова, как известно, активно участвовали и Салтыков-Щедрин, и другие наши великие мастера слова. Помню, как после выхода на экран «Левши» на меня дружно набросились литературоведы: как же я посмел дать картине эпиграф из Достоевского — про русскую душу? Ведь Лесков и Достоевский были непримиримыми врагами! На что я — с некоторым смущением — отвечал, что хоть таким способом хочу напомнить: эти два гениальных художника шли к одной цели, просто средства у них были разные.

— Нет ли у вас ощущения, что ваши картины, «некоммерческие» сегодня на Родине, пользовались бы популярностью, учитывая сегодняшнюю конъюнктуру на Западе? Ведь они в полном смысле национальные, имеют собственный голос, который невозможно перепутать ни с каким другим.

— Думаю, в ваших словах есть некое противоречие. Дело в том, что во всех моих фильмах существуют какие-то очень важные моменты, которые в любом случае пройдут мимо самого внимательного зарубежного зрителя. Экспортные проблемы пока лично для меня не очень актуальны. Хочется, чтобы мои картины увидели соотечественники, те, кто, как говорили в старину, радеет об Отечестве. В ином случае моя работа лишается какого бы то ни было смысла.

А. БЛУДЫШЕВ,
Г. МОЛОКИН.

Горький.